

Ирина Грачева.

Путь страдания и любви «Записки» Н. Б. Долгоруковой

Грачева Ирина Владимировна

Родилась в 1954г. в г. Гаврилов - Ям Ярославской области. Закончила филологический факультет Ленинградского университета. Работает на кафедре литературы Рязанского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Основные темы исследований - русская классическая литература 19 века, история русской культуры, краеведение.

Литературоведческие статьи и научно-популярные очерки Грачевой печатаются в журналах: "Литература в школе", "Русская словесность", "Русская речь", "Наука и жизнь", "Наука и религия", "Свет" ("Природа и человек"), "Нева", "Московский журнал", "Русь", "Сельская новь" и др. В Рязани вышла ее монография "А. П. Чехов и художественные искания его эпохи" (1991) и в соавторстве с Д. В. Бочаровым и В. А. Чапышкиным - "Очерки истории литературы Рязанского края".

Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20
Рязанский государственный университет, кафедра литературы

Издано по заказу предпринимателя Малова С. В. Право на тиражирование и реализацию принадлежит исключительно заказчику. Распечатка, распространение только с разрешения заказчика.

Компьютерная верстка - Быкова А. В.
Корректор, фотокорректор - Быкова А. В.

При подготовке издания использованы фотографии Малова С. В. и Надеждиной Н. М.

ООО "Шацкая типография"
391550, Рязанская область, г. Шацк, ул. Морина, 1
Тел.:(49147) 2-12-65, 2-11-58.

Пусть каждый день будет свят для тебя.
Жизнь только грань между прошлым и будущим.
Прошлое - не изменить и не вернуть.
Будущее - в руках не твоих, а Судьбы и Провидения.
Только им определяется каким будет оно, если будет вообще.

От издателя посвящается
Единственной настоящей любви
Надеждиной Надежде с любовью и надеждой.

Путь страдания и любви. (“Записки” Н. Б. Долгоруковой).

С городом Касимовым и его окрестностями связана память о трагических судьбах казанской царицы Сумбеки, царской невесты Афимьи Всеволожской, Н. Б. Долгоруковой. И только голос последней дошёл до наших дней, повествуя о тех испытаниях и переживаниях, которые выпали на её долю. “Записки” Н. Б. Долгоруковой - один из самых ранних образцов русских женских мемуаров.

Наталья Борисовна была дочерью известного фельдмаршала Петровской эпохи Б. П. Шереметева. По семейным преданиям, Шереметев после смерти первой супруги очень горевал и дал обет окончить жизнь в монастыре. Но Пётр I такое намерение не одобрил, заставил фельдмаршала чаще бывать на ассамблеях, где собирались весёлые женские компании, и при этом шутил, что Шереметев сможет не раз ещё жениться. И впрямь - запала тому в сердце миловидная 35-летняя А. П. Нарышкина, вдова дяди Петра Льва Кирилловича. Несмотря на свой 60-летний возраст, Шереметев сыграл новую свадьбу. От второго брака у него родились сыновья Пётр и Сергей и дочери Наталья, Вера, Екатерина. Последней исполнилось 3 месяца, когда Шереметев скончался. Наталье тогда было 5 лет. А в 14 лет она лишилась матери. Впоследствии Наталья считала, что все беды, которые в дальнейшем обрушились на неё, любимицу родителей, были ниспосланы свыше как искупление грехов отца, нарушившего свой обет перед Богом ради мирских радостей.

“Записки” Долгоруковой открываются многозначительной фразой: “Не всегда бывают счастливы благороднорождённые ...” Принадлежа к знатной фамилии и имея богатое приданое, она уверилась в том, что её непременно ожидает счастливая будущность. Мать баловала Наталью и не жалела средств на её образование. “Я очень имела склонность к веселью,” - признавалась Наталья. Смерть матери была первым горем, оставившим в её душе глубокий след. Сохраняя годовой траур, Наталья отказалась от всех развлечений, рассталась с беспечными подругами, держала себя строго и чопорно, блюдя честь семьи: “В тогдашнее время не такое было обхождение: в свете очень примечали поступки знатных или молодых девушек; тогда не можно было мыкаться, как в нынешний век,” - писала Наталья. И признавалась: “Я свою молодость пленила разумом, удерживала на время свои желания в рассуждении том, что ещё будет время к моему удовольствию.” Казалось, она не ошиблась. Через год к ней посватался один из самых завидных женихов в государстве - фаворит Петра II Иван Алексеевич Долгоруков. Молодой князь - красавец, щёголь, весёлого нрава и весьма галантный в обхождении - сразу очаровал Наталью. В конце декабря 1729 года в московском доме Шереметевых на Воздвиженке состоялось их обручение. “Вся императорская фамилия была на нашем сговоре, - вспоминает Наталья, - все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет ...” А на улице возле ворот толпились московские зеваки, “столько было народу, что вся улица заперлась” и кареты не могли проехать. Помолвленных засыпали дорогими подарками; только брат невесты подарил Ивану 6 пудов серебра (старинную посуду, кубки, чаши и т. д.). Перстень Ивана стоил 12 тысяч рублей, перстень Натальи - 6 тысяч.

Любовь Ивана, аккуратно ездившего к невесте в ожидании венчания, казалась такой искренней и нежной. Наталья писала: “Я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благосклонна ... и я ответствовала, любила его очень.” Девочка-невеста не знала, что за воротами её дома обожаемый жених ведёт такую жизнь, что даже друживший с ним испанский посол герцог де

Лириа вынужден был признаться: “Поведение князя Долгорукова, фаворита царя, с некоторого времени так дурно, что я опасюсь, что он мало помалу потеряет благоволение его величества.” И это - несмотря на то, что сам же посол чуть ранее писал: “Расположение царя к князю Ивану таково, что царь не может быть без него ни минуты; когда на днях его ушибла лошадь и он должен был слечь в постель, его царское величество спал в его комнате.” Однако Ивану надоело в холод и ветер гоняться с борзыми по полям, сопровождая Петра, страстно любившего охоту. Красавца-князя, которому исполнился 21 год, увлекли амурные утехы. В этом 14-летний мальчик-царь не мог быть ему достойным компаньоном. И Иван, по рассказу де Лирии, всё чаще бесцеремонно бросал своего повелителя, чтобы “наедине предаваться собственным удовольствиям и наслаждениям.” Князь М. М. Щербатов высказывался более резко и определённо: “Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем. Пьянство, роскошь, любодейние и насилие” - были основой его жизни в то время. Даже гости, приехавшие к его матери, если той не было дома, становились жертвами неуёмного сластолюбия царского фаворита. Иван, не скрываясь, держал в любовницах жену князя Н. Ю. Трубецкого и с собутыльниками издевался над мужем. Жаловаться на Ивана было некому.

Наталья не догадывалась, что сватовство к ней Ивана было лишь одним из средств к достижению выгод и удовлетворению его честолюбия. Когда Пётр II начал проявлять особую благосклонность к П. И. Ягужинскому, Иван намеревался свататься к его дочери. Но по мере того, как усиливалось влияние Долгоруковых на малолетнего императора, самомнение Ивана возросло настолько, что он начал открыто ухаживать за цесаревной Елизаветой Петровной, не обращая внимания на ревность Петра II, тоже увлечённого миловидной и весёлой своей тёткой. Де Лириа доносил в Испанию: “Отец фаворита думает женить царя на своей дочери, а тщеславие фаворита доходит до того, что он задумывает жениться на принцессе Елизавете.” Посол даже слышал, будто бы Иван сделал ей формальное предложение, но Елизавета уклонилась от прямого ответа, однако всё-таки напомнила зарвавшемуся князю о той дистанции, которая их разделяет. Обручение императора Петра II с сестрой Ивана Екатериной, на котором настояли Долгоруковы, было верхом их триумфа. Но сторонние наблюдатели заметили признаки, свидетельствующие о возможности их скорого падения. Пётр был явно недоволен, что его принуждают к раннему браку. Кроме того, Екатерина во время церемонии обручения, увидев графа Милезимо, которого любила, не смогла скрыть волнения, что вызвало явное раздражение Петра. Де Лириа писал: “Наблюдая церемонию, я заметил, что его царское величество делал всё как-то равнодушно, не смотрел в лицо своей невесте и не показывал ни малейшего признака любви к ней.” Более того, до посла дошли слухи, “что однажды ночью царь был на свидании с принцессой Елизаветой и оба вместе они долго плакали, после чего монарх будто бы сказал своей тётке, чтобы она потерпела, что дела де переменятся.” Видимо, чувствуя, к чему всё это клонится, Иван Долгоруков и поспешил заручиться поддержкой русской знати, породнившись с Шереметевыми.

Свадьбы императора и Долгорукова предполагалось сыграть одновременно. Наталья вспоминала: “Думала я, что я первая счастливица в свете. Все кричали: “Ах, как она счастлива!” - и моим ушам не противно было это слышать, а того не знала, что это счастье мною поиграет.” Она была уверена, что “всё это прочно и на целый век будет, а того не знала, что в здешнем свете нет ничего прочного, а всё на час.” Пётр II неожиданно заболел оспой и в ночь с 18 на 19 января 1730 года накануне дня свадьбы скончался. Наталья рассказывала: “Как скоро эта ведомость дошла до ушей моих, что уже тогда со мною было - не помню; а как опомнилась, только и твердила: “Ах, пропала, пропала!” Насчёт будущего человека, с которым она хотела связать свою судьбу, она не питала никаких иллюзий: “Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают: чего было и мне ожидать?” Родные Натальи, спеша отречься от компрометирующего знакомства с Долгоруковыми, срочно подыскивали ей другого жениха. Но юная невеста решительно воспротивилась расторжению помолвки с Иваном: “Я такому бессовестному совету согласиться не могла, а так положила своё намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе ...” Наталья к любви относилась очень серьёзно, считая, что это - редкий дар небес, который посылается один раз на всю жизнь и в котором человеку придётся отчитываться перед Богом. Поэтому она осуждала легкомысленные побуждения “сегодня любить одного, а завтра - другого,” не ведая, что именно так строил свою жизнь её жених.

Восшествие на престол Анны Иоанновны оправдало самые худшие предположения насчёт будущего Долгоруковых. Фаворит Анны Бирон сразу возненавидел их и публично пообещал: “Дома той фамилии не оставлю!” Напуганная родня Натальи отдалась от упрямой невесты, с безрассудным самоотвержением идущей навстречу своей гибели. Когда она отправилась в подмосковное имение

Долгоруковых Горенки, где должно было состояться её венчание с Иваном, только две старушки, дальние родственницы, решились её сопровождать. Да и то, привезя её в дом жениха, поспешили откланяться. Со слезами покинула Наталья родной дом, со слезами вступила в дом мужа, где собралась вся родня Долгоруковых: “И пуще мне стало горько: привезли меня, как самую бедненькую сироту ...” А на третий день после свадьбы прибыл нарочный из Сената с указом о ссылке Долгоруковых в их дальние имения. “Как я выехала из отцовского дому, с тех пор целый век странствовала,” - говорила Наталья.

По наивности она надеялась, что Долгоруковых скоро простят, и в дорогу взяла лишь самое необходимое. Иван же, хотя и был намного её старше, оказался ещё более легкомысленным: он позаботился лишь о том, чтобы забрать с собой пять любимых верховых лошадей. Только в дороге Наталья поняла и то, насколько иллюзорны её надежды на помощь свёкра. Она и не догадывалась, что ещё в то время, когда её жених был фаворитом Петра, начался его бурный конфликт с отцом. Де Лириа в 1728 году писал, что Алексей Григорьевич Долгоруков “завидует царской милости к сыну и желает его падения ... не проходит дня, чтобы он не бранился с сыном.” В 1729 году он записывает, что Алексей Долгоруков пытается сделать фаворитом другого сына Николая, а Екатерина Долгорукова “ненавидит” Ивана: “Меня уверяли, что она поклялась погубить его.” Скорее всего Долгоруковы понимали, что распущенное поведение Ивана грозит неприятными последствиями для всей их семьи, но повлиять на него не могли. Общее несчастье не сблизило их. В дороге Алексей Долгоруков и его супруга заботились о всех своих детях (сыновьях Николае, Алексее и Александре, дочерях Екатерине, Елене и Анне), но Ивану категорично заявили, что он должен ехать на своём коште. Во время остановок на ночлег для палатки Ивана отводили самое худшее место. Особенно тяжёлым стал путь, когда миновали Коломну и через Егорьевский уезд двинулись к Касимову, в 6 верстах от которого в Селищах было поместье Долгоруковых. Стоял апрель, густые и заболоченные мещерские леса были переполнены талой водой: “как постель сымут - мокра, иногда и башмаки полны воды.” Наталья старалась не жаловаться и во всём угождать капризной родне мужа: “Мне как ни было тяжело, однако принуждена дух мой стеснять и скрывать свою горесть для мужа милого; ему и так тяжело, что сам страждет, при том же и меня видит, что я его ради погибаю.” А Иван пришёл в такой азарт от обилия мещерской дичи, что забыл разом и свои бедствия, и жену. Страсть к охоте даже на время помирила их с отцом. То и дело Долгоруковы останавливались, мужчины, пересев на свежих коней и спустив собак, с гиканьем и свистом скрывались за перелесками. Однажды Иван в пылу погони чуть не утонул, угодив в глубокую речку.

В касимовской глухомани разбойничали лихие люди. Когда Долгоруковы заехали на ночлег в одну из деревень, то мужики пожаловались, что недавно разбойники сожгли соседнюю деревню, а этой ночью обещали наведаться к ним. Всю ночь путники не спали: перепуганные женщины молились, мужчины лили пули, заряжали ружья, готовясь к обороне. Но, видимо, появление в деревне хорошо вооружённого большого обоза и остановило разбойников. А на одном из вечерних привалов душу Натальи смутило странное, недоброе знамение: “Когда мы ужинали, то мы все видели, что два месяца вошло; ординарный большой, а другой подле него поменьше, и мы долго на них смотрели.”

Когда добрались до Селищ, выяснилось, что старый помещичий дом не может всех вместить. Наталье с мужем пришлось уйти на деревню и ночевать в сарае у мужика. Так прошёл почти месяц. Однажды в июне после обеда в усадебном доме Наталья подошла к окну и замерла в испуге, увидев вдаль на пыльной дороге скачущих верховых. К их крыльцу приближался офицер в сопровождении отряда солдат, за ними ехали телеги. Она рассказывала: “...Упала на стул, а как опомнилась, увидела полны хоромы солдат. Я уже ничего не знаю, что они объявили свёкру, а только помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускаю от себя; боялась, чтоб меня с ним не разлучили.” Капитан-поручик А. Макшеев прибыл с приказанием везти опальников в ссылку в далёкий Березов. Около недели они томились под стражей где-то в прибрежной части Касимова, ожидая, когда будет готов корабль. “Недалеко была река от дома нашего,” - вспоминала Наталья. Наконец настал день отъезда. На касимовской пристани разлучилась Наталья с последними близкими людьми, связывавшими её с родительским домом. Любимую её горничную отказалась взять с собой спесивая мужнина родня, а её воспитательница-иностранка, добровольно последовавшая за своей питомицей в касимовскую глушь, на этот раз отступилась, напуганная рассказами о суровом русском Севере. “Она человек чужестранный, не могла эти суровости понести,” - оправдывала её Наталья. Прощание было мучительным. Наталья лежала в глубоком обмороке, когда корабль отчалил от Касимова. Муж едва привёл её в чувство, и она тут же кинулась на палубу, чтобы в последний раз увидеть покинутых на пристани дорогих ей людей. Но перед её глазами предстали незнакомые крутые берега, города и помину не было, слишком далеко

уплыл корабль. А у касимовского причала осталась под окскими волнами оброненная Натальей в минуты расставания большая жемчужина, словно навеки застывшая слеза плакавшей здесь юной женщины: “Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на руке, знать, я его в воду опустила, когда я с своими прощалась; да мне уж и не жаль было, не до него: жизнь тратится.”

Начался долгий тяжёлый путь. Ока встретила их бурей, на одной из северных рек корабль чуть не затонул. Когда же высадились на сушу - то тряские каменистые дороги выматывали последние силы, то холодные дожди поливали с утра до вечера. Остановки же полагались только на ночлег. Наталье, ожидавшей ребёнка, было особенно тяжело. Даже Макшеев начал сочувствовать своим поднадзорным и, когда в Тобольске сдавал их другой команде, при прощании с ними даже прослезился. Долгоруковы, вдруг осознав, что их испытания по-настоящему только начинаются, тоже разрыдались: “И так мы все плакали, будто со сродником расставались.”

В Березове их приказано было держать в остроге под крепким караулом, никого к ним не допуская и не разрешая даже переписки. А кругом - унылая местность, холод, дикари, которые носят оленин шкуры, питаются сырой рыбой и ездят на собаках. “Избы кедровые, окончины ледяные вместо стекла; зимы 10 месяцев или 8; морозы несносные, ничего не родится, ни хлеба, никакого фрукту - ни же капусты,” - рассказывала Наталья. Она вконец упала духом: “Тогда я плакала, для чего меня реки не утопили!” Вскоре умерла простудившаяся в дороге свекровь. У Натальи родился первенец Михаил. Ивана же словно подменили: он начал усердно молиться, раздавал милостыню... Не почувствовал ли он, что всё, случившееся с ним, - возмездие свыше? Ведь именно здесь, в Березове, незадолго до их приезда скончался А. Д. Меншиков, попавший сюда с семьёй не без энергичного содействия Долгоруковых. Теперь сами они оказались на его месте. Говорили, будто сын Меншикова, узнав о приезде в Березов врагов своей семьи, сгоряча кинулся было с ножом к острогу, чтобы отомстить за все беды своих близких, но его вовремя удержали.

“Записки” Натальи обрываются на рассказе о приезде в Березов. Видимо о том, что случилось дальше, ей даже через много лет было тяжело писать. После смерти в 1734 году Алексея Григорьевича Иван стал главой семейного клана. К нему вернулась прежняя самоуверенность и беспечность. Он сдружился с офицерами местного гарнизона, с удовольствием участвовал в их кутежах.

Долгоруковым начали делать послабления: в остроге их навещали появившиеся местные знакомые, сами они тоже выезжали в гости. Так, например, они ездили на девичник к одному посадскому, выдававшему дочь замуж, и Наталья подарила невесте серебряные золочёные серьги и камку на платье. Иван завёл дружбу и с местным воеводой И. Бобровским. Когда у Натальи родился второй сын Борис, его крёстной матерью стала жена воеводы. Но мальчик был очень слабым и вскоре умер. В острожном пруду Долгоруковы развели гусей, уток и даже лебедей: для хозяйства и для утех. Женщины увлеклись вышиванием. Впоследствии у них нашли 21 икону, шитую шелками по камке и бархату. Пытались они разводить огород. Жизнь постепенно налаживалась. Но в 1738 году в Петербург был прислан донос подьячего О. Тишина о “непристойных словах”, которые захмелевший на одной из офицерских пирушек Иван высказал об императрице. По одним преданиям, Тишин мстил за то, что заносчивая Екатерина Долгорукова ответила презрительным отказом на его ухаживания и пожаловалась офицерам, приятелям Ивана. А те жестоко избили Тишина. По другим - сама Екатерина, так и не простившая Ивану прошлых размолвок, подучила младшего брата Александра сказать на него “слово и дело”. Началось расследование, открывшее ещё один тайный грех Долгоруковых: намерение после кончины Петра II сделать от его имени подложное завещание с целью возведения на престол его невесты. Завещание было подписано рукой Ивана, который мастерски копировал почерк Петра. Но пустить его в ход побоялись. Александр, увидев, к чему привёл его донос, пытался покончить жизнь самоубийством, однако нанесённая им себе ножевая рана оказалась не смертельной.

Августовской ночью 1738 года Ивана с братьями Николаем и Александром увезли в Тобольск на допросы, а затем переправили в Шлиссельбург. В записной книжке Натальи, где сохранились отрывочные заметки, по которым она намеревалась закончить “Записки”, говорилось: “Отняли у меня жизнь мою, беспримерного моего милостивого отца и мужа, с кем я хотела свой век окончить, и в тюрьме ему была товарищ; эта чёрная изба, в которой я с ним жила, казалась мне веселее царских палат; но попущением Божьим за грехи мои и злодейством сестры его родной и брата его лишилась.” Ивана увезли тайно, не позволив даже проститься с женой. До этого его на несколько месяцев отделили, держали в особом помещении в кандалах, прикованным к стене, под строгим караулом. Наталье только изредка, подкупив часового, удавалось передать ему еду. В записной книжке она рассказывала: “Я не знала, что его уже нет; мне сказывают, что его де увезли. Что я делала? Кричала, билась, волосы на себе драла; кто ни попадет встречу, всем валяюсь в ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христиане,

дайте только взглянуть на него и проститься. Не было милосердного человека, ни словом меня кто утешил, а только взяли меня и посадили в темнице и часового примкнувши штык поставили.” Родившийся после этого третий сын Дмитрий всю жизнь страдал душевной болезнью. Не знала Наталья и о том, что её ненаглядный Иванушка был казнён в ноябре 1739 года в Новгороде. Увезённых с ним братьев сослали на каторгу, Алексея отдали в матросы, сестёр заточили по монастырям. В конце 1739 года Наталья послала Анне слёзное прошение, умоляя: если муж жив, то позволить быть с ним вместе хотя бы и в заточении, если его уже нет - то постричь её в монастырь. Только по ответу Анны, дозволившей ей вернуться в Москву, она поняла, что мужа больше не увидит.

В 1740 году в тот день, когда Наталья с двумя сыновьями прибыла в Москву, её вновь встретил всеобщий траур: скончалась императрица Анна. Хотя молодой вдове по приезде было всего 26 лет, она на всю жизнь осталась верной памяти мужа и заботилась лишь о том, чтобы устроить судьбу сыновей. Старшего Михаила записала в полк и успела дважды женить. Младшему же Дмитрию становилось всё хуже, и в начале 1758 года она уехала с ним в Киев, ища помощи у святых угодников. В том же году она постриглась в монастырь, 26-летний сын хотел последовать её примеру. Однако императрица Екатерина II не разрешила, написав Наталье: “...Я позволяю сыну вашему князю Дмитрию жить по его желанию в монастыре; а постричься в рассуждении молодых его лет позволить нельзя, дабы время как его в раскаяние, так и нас об нём в сожаление не привело. Доброжелательная Екатерина.” Дмитрий поселился в Киеве в Никольском монастыре и в 1769 году за два дня до смерти принял тайный постриг. Наталья в записной книжке желчно констатировала: “В нынешнем веку надобно красть царство небесное.” Сама она пережила сына лишь на два года. Её похоронили в Киево-Печерской лавре, недалеко от входа в соборную церковь. По преданию, когда в 1767 году Наталья приняла схиму, она со слезами бросила в Днепр перстень, которым когда-то обручилась с Иваном. Но от воспоминаний о нём отречься так и не смогла. Возможно, со временем она услышала о муже много такого, о чём раньше и не подозревала. Но она ничего не хотела знать и ничему не хотела верить. В её “Записках” Иван предстает таким, каким она увидела его глазами 15-летней влюблённой девочки: “Он рождён был в натуре ко всякой добродетели склонной ... никому зла не сделал и никого ничем не обидел, разве что нечаянно.” Она ни разу не пожалела, что отдала ему руку и сердце, признаваясь: “Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла.”

Другое дело - был ли достоин легкомысленный повеса князь Иван такой преданной любви. Но после того, как М. И. Невзоров в 1810 году в “Друге юношества” напечатал “Записки” Долгоруковой, пленительный образ женщины, такой слабой и неопытной, но умевшей так любить и быть такой терпеливой в испытаниях, волновал русских писателей. В 1815 году С. Н. Глинка опубликовал повесть “Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Н. Б. Долгоруковой, дочери фельдмаршала Б. П. Шереметева, супруги князя И. А. Долгорукого.” В 1823 году могилу Натальи посетил А. С. Пушкин, упомянув о ней в “Полтаве”. И. И. Козлов написал о Долгоруковой поэму. Её пример воодушевлял жён декабристов, последовавших в Сибирь за своими мужьями. О ней позднее вспомнит Н. А. Некрасов в поэме “Русские женщины”. К. Ф. Рылеев, посвятивший судьбе Натальи одну из своих “Дум”, предварил её словами: “Нежная её любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твёрдость в страданиях увековечили её имя”.